

КСЕНИЯ В. ИГАЕВА

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы
Минина, Нижний Новгород, Россия

Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-245-251

Понятие «новых» (постгероических, асимметричных) войн и гибридный характер современных локальных конфликтов широко обсуждаются в гуманитарных исследованиях последнего десятилетия [Kaldor, 2012; Jackson, 2016]. Внушительное количество литературы посвящено изменениям в военной тактике, одновременно использующей высокие технологии и предполагающей примитивизацию насилия; делегирующей паравоенным формированиям право на осуществление прямого насилия; политическим последствиям распространения дискурса безопасности и его приватизации частными военными компаниями. Революция в военной сфере и реформы национальных систем безопасности 1990-2000-х годов привели не только к технологической модернизации инфраструктуры вооруженных сил, но и к распространению женской службы в армии по всему миру, а также трансформации гендерных отношений в этом контексте [Duncanson, 2016; Karim, Beardsley, 2017; Shepherd, 2017; Sjoberg, Via, 2010]. Однако соответствующие декларации «гендерного равенства» вызывают сомнения и все более активную критику со стороны академических исследователей, которые оспаривают различие между «старыми» и «новыми войнами», в равной степени апеллирующими к гегемонной маскулинности.

В частности, по мнению Клэр Дункансон из Университета Эдинбурга, принципиальной трансформации прежней иерархической

245

Игаева Ксения Владимировна — аспирант НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород. Научные интересы: интеллектуальная история, гендерные исследования, культурная история тела, исследования культуры. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Ksenia V. Igaeva — postgraduate student of Minin University, Nizhny Novgorod. Research interests: intellectual history, gender studies, cultural history of human body, cultural studies. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

маскулинности сегодня не происходит, и слабые попытки ее изменить в военной сфере пока не достигли существенных результатов. В своей работе «Силы добра? Армейская маскулинность и миротворческие операции в Афганистане и Ираке» исследовательница (вслед за Р. Коннелл) подчеркивает, что гегемонная маскулинность является нормативным идеалом, а не феноменологическим описанием действий конкретных его носителей. «Это форма поведения, которая вызывает наибольшее уважение и влияет на то, как все мужчины выстраивают свою маскулинность, — стремятся соответствовать такому идеалу или сопротивляются ему» [Duncanson, 2013, p. 61]. В этом смысле сама оппозиция, в рамках которой «мужское» ассоциируется с войной, а «женское» — с миром, легитимизирует неизбежность «новых войн», оправдывает участие в них мужчин и предполагает минимальные вариации для поведенческого маневра.

246

Анализируя интервью участников военных действий в Ираке и Афганистане, Дункансон пытается ответить на вопрос: почему в эпоху «смягчения» гегемонной маскулинности в гражданском обществе она сохраняет свои позиции в армии. Во многом это связано с длительным ожиданием войны. Доказывая эту мысль, она цитирует интервью офицера П. Хеннесси: «В Гильменде мы хотели проявить себя. Это был наш момент, наш “момент славы”, — один идеальный гребанный момент; у нас, наконец, была война» [Ibid., p. 74]. Кроме того, в нарративах комбатантов маскулинность оказывается связана с представлениями об инициации, — превращении мальчиков в мужчин в ходе военных действий. Первый бой при этом часто соотносится с первым половым актом, острые ощущения и физическое напряжение во время битвы сравниваются с сексом; оружие и военная техника часто эротизируются и т. д.

Впрочем, как отмечает Дункансон, начиная со Второй мировой войны маскулинность в британской армии все чаще описывалась в умеренных выражениях и отождествлялась со «сдержанным героизмом» (противопоставлявшимся «гипермаскулинности нацистов» и «гиперсексуальности американцев»). Способность принимать самостоятельные и ответственные решения поощрялась, но экспрессивная храбрость вызывала насмешки и воспринималась как излишний пафос, свойственный скорее киноактерам. «К 1980-м годам персонажи, подобные Рэмбо, все чаще использовались для критики чрезмерной жестокости, а сам термин “герой” стал уничижительным» [Ibid., p. 88].

Сегодня прежние романтические представления о военных действиях свойственны лишь новобранцам. Реальный военный опыт провоцирует британских солдат к отказу от идеализма в пользу цинизма, безразличия к чему-либо помимо прагматических нужд

своего взвода и безопасности товарищей. С другой стороны, как считает Дункансон, такой прагматический нигилизм можно рассматривать как обновленную «мораль товарищества», которая становится модификацией прежних представлений о мужестве. По ее мнению, в современных вооруженных силах необходим переход от гегемонной мужественности к «миротворческой». Но пока такие изменения идут крайне медленно.

Это обусловлено, во-первых, глубокими культурными корнями (восходящими к греческому полису, где гражданство было неразрывно связано с военной службой) уравнивания войны и мужественности. Во-вторых, попытки построения альтернативной маскулинности предполагают деконструкцию иерархий и равенство статусов «женского» и «мужского», что снизит традиционно высокий статус военных. Кроме того, военно-политические элиты выступают за сохранение существующей системы норм, связывающей маскулинность с достижением материального богатства, власти, чувством превосходства и безопасности.

Дэвид Дурисмит из Университета Кливленда в работе «Маскулинность и новые войны: гендерная динамика современных вооруженных конфликтов» (2017) признает принципиальные отличия конфликтов 1990–2000-х годов от «тотальных» мировых войн и по характеру насилия, нацеленного сегодня в основном на гражданское население, а не на прямого противника; и в стратегиях оправдания — «политика идентичности» в условиях глобализации все активнее вытесняет национальные идеологии. В духе постколониальных исследований Дурисмит стирает жесткое различие между Европой и странами «третьего мира»: война с террором создается с двух сторон; использование насилия объединяет глобальный мир, смешивает национальные границы и идентичности, проблематизирует разницу между высокотехнологичными «миротворческими операциями» и повседневным физическим насилием паравоенных формирований (поддерживаемых ведущими мировыми державами) против гражданских жителей. Однако сторонники М. Калдор, по мнению автора, недооценивают ключевой момент преемственности между «старыми» и «новыми» войнами — сохранение маскулинной логики насилия [Duriesmith, 2017, p. 2].

Все современные армии, паравоенные формирования и террористические группировки по-прежнему состоят из мужчин и управляются именно мужчинами. С этой точки зрения, гибридный характер асимметричных конфликтов включает одновременно тенденции к демодернизации (укреплению патриархальных отношений), насильственному сохранению существующей гегемонии и ее радикального пересмотра. Слишком широкие рамки анализа не позволяют проследить механику взаимодействия этих трендов.

Поэтому Дурисмит помещает в центр своего внимания Объединенный революционный фронт Сьерра-Леоне и Народную армию освобождения Судана. Однако такой «антропологический подход» делает проблематичным сравнение ситуации различных регионов мира и анализ динамики развития локальных конфликтов.

Решить данную проблему пытается масштабная антология «Гендер и военная сфера» (2017) под редакцией Р. Вудворд из Ньюкаслского университета и К. Дункансон. Это весьма объемное издание представляет собой обзор широкого спектра повседневных социальных практик, обеспечивающих воспроизводство милитаристских институтов в самых разных странах. Первая ее часть «Понятия, подходы и методы» включает теоретическую полемику между пацифистской феминистской традицией и требованиями равноправия в военной сфере, которые спровоцировали расширение участия женщин в вооруженных конфликтах 2000-х годов. Для того чтобы отразить задачи гендерных исследований в условиях «новых войн», авторы справедливо подчеркивают необходимость комплексного анализа современных трансформаций вооруженных сил и паравоенных формирований, феноменологии опыта женского пребывания в армии и проблем его репрезентации в медиа.

248

Вторая часть антологии «Исследуя государственные вооруженные силы» анализирует изменения мотивации солдат, практик рекрутинга и военной культуры в целом. Особенно интересным и перспективным представляется внимание авторов данного раздела к техникам интернализации насилия. Милитаристская культура воспроизводится и подчиняет гражданское пространство во многом благодаря перформативным телесным практикам, формируемым армией: «Именно они выражают претензии солдат на авторитет. Военная форма, походка, физическая (мускульная) активность, позы, выражение лица, манера речи — все это свидетельствует одновременно о самоконтроле и предвосхищении возбуждения битвы. Тела подчеркивают физическое присутствие фронтовиков, которых, как говорят многие израильтяне, они распознают издали» [Rones, Fasting, 2017, p. 151]. С этой точки зрения армия — не просто социальный институт, определяющий осознанные стратегии поведения солдат и офицеров, но и массовая культура бессознательных габитусов, а также широко циркулирующих в обществе дисциплинарных практик, включая телесные автоматизмы и способы воспроизведения насилия.

Еще один блок сюжетов, представленных в антологии, посвящен женскому опыту в условиях «новых войн». Ряд исследователей, опираясь на воспоминания и интервью комбатантов, готовы признать вытеснение прежней модели гегемонной маскулинности новой культурой военного профессионализма, признающего за женщи-

нами-военными равенство и рассматривающего их как полноправных членов команды [King, 2017, p. 309; Dyvik, 2017, p. 322]. В другом разделе анализируются паравоенные формирования, не подконтрольные государствам, — частные военные корпорации, разного рода повстанческие силы и террористические группировки, которые, разумеется, по-разному относятся к участию женщин в вооруженной борьбе, но также все активнее включают их в свой состав (по данным Зои Маркс из Университета Эдинбурга, 60% мировых армий включают женщин в свои ряды [Marks, 2017, p. 439]). Наконец, последняя часть посвящена стратегиям визуальной репрезентации армейского гендера в пространстве медиа, воздействие которых на публику все чаще оказывается неотъемлемой частью конфликта. Основную критику авторов антологии вызывает эротизация насилия и милитаризма в СМИ: тиражирование фотографий девушек-солдат в израильской армии, индустрия бодибилдинга и т. д. «Война с террором опирается на сексуализированный расизм, и гендер оказывается в центре конструирования ее легитимированных нарративов» [Brown, 2017, p. 428].

В целом авторы антологии считают противопоставление «старых» и «новых» войн (равно как «традиционной» маскулинности и «новой» мужественности) достаточно сомнительным.

249

Согласны с ними и авторы сборника «Гендер и Великая война» (2017) — Сьюзан Грэйзел из Университета Миссисипи и Тэмми Проктор из Университета Юты, которые отмечают, что уже Первая мировая вызвала серьезные трансформации в гендерных отношениях, вытеснив прежнюю модель гегемонной маскулинности новой культурой воинского профессионализма. Эти изменения включали несколько аспектов.

Во-первых, теперь проявления «мускулистой [muscular] женственности» [Grayzel, Proctor, 2017, p. 98] перестали ассоциироваться с сексуальными аномалиями, но включались в общие рамки мобилизации нации. Женское тело занялось военной работой. Такая инверсия гендерных ролей была вызвана военной необходимостью разделения обязанностей, которые традиционно воспринимались как мужские. Причем это было характерно прежде всего для Великобритании. Спорт и активный отдых давали британским женщинам преимущество над француженками и немками, которые «не любят делать мужскую работу» и запрещают своим дочерям играть в теннис, считая это неприличным [Grayzel, Proctor, 2017, p. 98].

Во-вторых, огромный процент тяжелых ранений (включая «артиллерийский шок») также размывал традиционные гендерные роли. Страдающие калеки мало соответствовали декларированному образу мужественного воина. Они все чаще оказывались объектом заботы своих жен, которые вынужденно становились основ-

ными кормилицами и главами своих семей. При этом пребывание в госпиталях, как и военный опыт, боль, страх и постоянная возможность смерти, приводили к усилению мужской «чувствительности». Эмоциональная дружба между ранеными приобретала все большее значение, категорически не укладывавшаяся в викторианские стандарты сдержанности. В больничной жизни происходила «феминизация прикованных к постели пациентов и маскулинизация медсестер», которые получали определенную власть над мужскими телами [Grauzel, Proctor, 2017, p. 101]. Эти и другие трансформации гендерных ролей, по мнению Грэйзел и Проктор, принципиально изменили представления о мужественности в 1910–1920-е. А современные «новые войны» лишь продолжают данную тенденцию.

250 В целом практически все авторы рассмотренных изданий согласны в том, что трансформации гендерных моделей в современных армиях требуют пристального внимания, поскольку они во многом определяют (осознанно и неосознанно) нормативную модель для общества в целом. И говорить о каких-то радикальных изменениях этих отношений в связи с «новыми войнами» вряд ли корректно — в основном они продолжают социально-культурные тренды, сложившиеся на протяжении XX в. Анализ этих тенденций крайне важен, поскольку позволяет прояснить различия и обратить внимание на все многообразие реальных стратегий понимания мужественности/маскулинности, не сводимых к клишированным стереотипам.

Без такого анализа нельзя понять ни характер «протестной маскулинности» ИГИЛ и цветных революций, ни популярность политики идентичности в сообществах разного уровня (включая ветеранские). В этом смысле проблематизация «старых» и «новых» войн важна не сама по себе, но как признание необходимости поворота к феноменологии военного опыта во всей его гетерогенности, включая широкий спектр практик не только личного выживания, но и широкой социальной солидарности.

Библиография / References

Brown K.E. (2017) Gender and terrorist movements. R. Woodward, C. Duncanson (eds) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan: 419-436.

Duncanson C. (2013) *Forces for good? Military masculinities and peacebuilding in Afghanistan and Iraq*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Duncanson C. (2016) *Gender and peacebuilding*, N.Y.: Polity.

Durriesmith D. (2017) *Masculinity and new war: the gendered dynamics of contemporary armed conflict*, London; N.Y.: Routledge.

- Dyvik S.L. (2017) Gender and counterinsurgency. R. Woodward, C. Duncanson (eds) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan: 319-334.
- Grayzel S., Proctor T. (2017) *Gender and the Great War*, N.Y: Oxford University Press.
- Jackson R. (ed.) (2016) *Routledge handbook of critical terrorism studies*, N.Y.; London: Routledge.
- Kaldor M. (2012) *New and old wars: organized violence in a global era*, Stanford: Stanford University Press.
- Karim S., Beardsley K. (eds) (2017) *Equal opportunity peacekeeping: women, peace, and security in post-conflict states*, N.Y.: Oxford University Press.
- King A. (2017) Gender and close combat roles. R. Woodward, C. Duncanson (eds) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan: 305-318.
- Marks Z. (2017) Gender dynamics in rebel groups. R Woodward., C. Duncanson (eds) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan: 437-454.
- Rones N., Fasting K. (2017) Theorizing military masculinities and national identities: the Norwegian experience. R. Woodward, C. Duncanson (eds) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan: 145-162.
- Scheipers S. (ed) (2014) *Heroism and the changing character of war: toward post-heroic warfare?* N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Shepherd L.J. (2017) *Gender, UN peacebuilding, and the politics of space: locating legitimacy*, N.Y.: Oxford University Press.
- Sjoberg L., Via S. (eds) (2010) *Gender, war, and militarism: feminist perspectives*, Santa Barbara: Praeger.
- Woodward R., Duncanson C. (eds) (2017) *The Palgrave international handbook of gender and the military*, London: Palgrave Macmillan.

Рекомендация для цитирования/For citations:

- Игаева К.В. (2018) Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве. *Социология власти*, 30 (1): 245-251.
- Igaeva K.V. (2018) Gender Studies of “New Wars”: Reproducing Masculinity and Re-Thinking Courage. *Sociology of Power*, 30 (1): 245-251.

Поступила в редакцию: 20.12.2017; принята в печать: 12.03.2018